
К. М. ПИСЦОВ

**НА ОДНОГО ПОЛЕЗНОГО –
СТО ЗЛОВРЕДНЫХ.
БИОГРАФИИ ЕВНУХОВ
В «ИСТОРИИ МИН»***

Цель работы – анализ раздела «Биографии придворных евнухов» в «Мин ши». Традиционная китайская историография крайне негативно относится к придворным евнухам. В статье рассмотрены жизнеописания менее известных евнухов – не злодеев и негодяев, а преданных подданных, честно исполнявших свой долг. В тексте «Мин ши» наиболее полно изложены жизнеописания самых одиозных временивиков эпохи Мин, заслуживающих однозначного порицания, но в биографиях «хороших» евнухов отрицательная оценка также присутствует, хотя и в более скрытой форме.

Ключевые слова: эпоха Мин, придворные евнухи, «Мин ши», традиционная китайская историография.

Негативное отношение традиционной китайской историографии к придворным евнухам достаточно хорошо известно. Пожалуй, наиболее ярко такие взгляды выражены в «Мин ши» («История [династии] Мин»). В тексте этого исторического сочинения на евнухов в значительной степени возложена ответственность за гибель династии (Мин ши 1958: 28962/770), а сами они наделены убийственной характеристикой: «...хотя среди них и встречались мудрые... но на одного полезного приходилось сто зловредных» (Там же: 31462/3270). Разумеется, вызывает интерес приводимый в «Мин ши» фактический материал, на основании которого авторы этого исторического сочинения приходят к столь неутешительному выводу.

---

* **Для цитирования:** Писцов, К. М. 2023. На одного полезного – сто зловредных. Биографии евнухов в «Истории Мин». *Историческая психология и социология истории* 1: 79–89. DOI: 10.30884/ipsi/2023.01.05.

For citation: Pistsov, K. M. 2023. For One Useful Person, There are a Hundred Harmful Ones. Biographies of Eunuchs in “The History of the Ming”. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology & Sociology* 1: 79–89 (in Russian). DOI: 10.30884/ipsi/2023.01.05.

Историческая психология и социология истории 1/2023 79–89
DOI: 10.30884/ipsi/2023.01.05

В одной из предыдущих работ автор данных строк обратил внимание на то, как в главе, посвященной описанию официального костюма придворных евнухов, авторы «Мин ши» нарисовали увлекательную картину узурпации власти, осуществленной представителями этой специфической придворной группы (Писцов 2020). В настоящей статье предметом анализа станут данные из раздела «Биографии», который в составе «Мин ши» (как и любой династийной истории) играет исключительно важную роль.

Раздел «Биографии придворных евнухов» (общим объемом два *цзюаня*) содержит 27 основных жизнеописаний и более 12 дополнительных (подчиненный характер последних подчеркнут в издании «Соинь бона эршисы ши» тем, что в оглавлении их заголовки выделены уменьшенным размером шрифта) (Мин ши 1958: 3270/31462, 3285/31477). Фактическое число упомянутых в тексте персоналий превышает сумму основных и вспомогательных биографий раздела. Объем статьи не позволяет рассмотреть все эти жизнеописания, тем более что некоторые из их героев уже известны отечественному читателю. Существует сокращенный перевод на русский язык биографии Лю Цзиня (?–1510) из сочинения XVII в. «Мин ши цзи ши бэньмо» («Полное описание событий истории династии Мин») (Симоновская, Лепешинский 1960: 110–123), жизненный путь Вэй Чжунсяня (1568–1627) тоже отражен в отечественной литературе (Воскресенский 2002). Это два наиболее известных евнуха-злодея эпохи Мин. Специальная книга и многочисленные статьи посвящены судьбе знаменитого флотоводца, военачальника и дипломата Чжэн Хэ (1371–1433) (Свет 1960; 1955: 120–123; Дубровская 2022 и др.). Поэтому в данной статье будут рассмотрены несколько биографий придворных евнухов, вовсе неизвестных или малоизвестных большинству читателей. Причем, поскольку негативные стороны института евнухов и его отдельных представителей известны достаточно хорошо, основное внимание на этот раз будет уделено тем немногочисленным «мудрым» и «полезным» деятелям, которые, по словам составителей «Мин ши», встречались в сто раз реже, чем «зловредные»*.

Пример принципиальности и преданности государю – биография Хэ Дина (?–1497/1498, второе имя Вэньдин). Хэ Дин служил при дворе в период Хун-чжи (1488–1506) и, согласно тексту «Мин ши», занимал относительно невысокое положение в иерархии ев-

---

* Автор принципиально воздержался от дополнения текста «Мин ши» сведениями из других источников, единственное исключение – даты жизни в скобках после имен действующих лиц, указанные в соответствии с информацией справочника «Dictionary of Ming Biography» (Goodrich, Fang Chaoying 1976).

нухов-чиновников: его должность *чжанши* соответствовала основному шестому рангу. Его первое деяние, зафиксированное в «Мин ши», свидетельствует о государственном уме: Хэ Дин подал доклад с предложением упразднить систему назначения и перемещения чиновников в особом порядке, осуществляемых непосредственно императорским указом. Дальнейшее содержание биографии посвящено конфликту Хэ Дина с братьями императрицы Чжан. Следует отметить, что царствовавший тогда император Сяо-цзун, вероятно, единственный император в истории Китая, у которого была лишь одна супруга, что, конечно, объясняет особое влияние, которое она оказывала на своего мужа. Шурин императора Чжан Хэлин вместе со своим младшим братом часто посещал дворец. Однажды на пире, когда император вышел в уборную, пьяный Чжан Хэлин схватил оставленную государем шапку и надел на собственную голову. Подобный легкомысленный поступок в традиционных обществах мог расцениваться как серьезное преступление. Неудивительно, что Хэ Дин был возмущен. В другой раз Чжан стал подглядывать за полог в покоях императора, Хэ Дин схватился за *дагуа* (разновидность оружия, представляющая собой жезл с наверху в форме тыквы. – К. П.), намереваясь немедленно наказать нарушителя порядка. Почему это намерение осталось неисполненным, «Мин ши» не уточняет, но Хэ Дин подал доклад, обвиняющий братьев Чжан в непочтительности и нарушении норм взаимоотношений между государем и подданными. Узнав о происшедшем, императрица разгневалась, император стал на сторону супруги, и Хэ Дин был заключен в тюрьму Цзинь-вэй (Императорской гвардии). Будучи спрошен о возможных подстрекателях, Хэ Дин подтвердил, что таковые были, и на требование назвать их имена ответил: «Конфуций и Мэн-цзы» (Мин ши 1958: 31470/3278). Этим ответом Хэ Дин давал понять, что действовал в полном соответствии с заветами основателей конфуцианского учения. Несколько крупных чиновников подавали доклады государю с просьбой о помиловании Хэ Дина, но император из-за императрицы отвечал отказом. В конце концов императрица Чжан послала влиятельного евнуха Ли Гуана забить Хэ Дина батогами насмерть. Тут император пожалел о своем погибшем слуге и удостоил Хэ Дина эпитафии, текст которой вырезали на каменной стеле. Далее следует своеобразное резюме, в котором рассказано о добросовестных и законопослушных евнухах Дэн Юане, Май Сю, Цзянь Чжуне и Лю Цине, успешно выполнявших военные миссии, и бескорыстном советнике Сяо Цине, служившем на протяжении двух царствований. В рассказе о Сяо Цине приведен императорский отзыв о нем, позволяющий полу-

чить представление об одном из качеств образцового придворного евнуха: «Сяо Цзин – тот, с кем Мы советуемся, но он еще никогда не пробовал воспользоваться этим, чтобы [добиться] власти» (Мин ши 1958: 31470/3278). Однако далее сказано, что императорского доверия добились лишь Ли Гуан и Цзян Цун, которые, как известно из их собственных биографий (Там же: 31470/ 3278–31471/3279), в конечном счете оказались этого доверия недостойны, что оставляет негативное впечатление.

Перед нами классическая биография истинного конфуцианца, пожертвовавшего жизнью во имя своих убеждений. В качестве аналогии можно вспомнить биографию министра Ли Шилу, который критиковал основателя минской империи Чжу Юаньчжана за чрезмерное (с точки зрения убежденного ученого-конфуцианца) пристрастие к буддизму и заплатил жизнью за свои убеждения (Мартынов 1974: 319). Хэ Дин тоже погиб, отстаивая конфуцианские принципы, хотя объектом критики стало поведение не императора, а его ближайшего окружения.

Следует отметить, что столкновения придворных евнухов и родственников императора по женской линии можно считать одной из характерных особенностей политической борьбы при дворе в эпоху Мин. Такими конфликтами отмечена, в частности, и карьера упомянутых выше временщиков Лю Цзиня и Вэй Чжунсяня. При желании можно увидеть в этом противостоянии борьбу двух принципов управления – аристократического и бюрократического (при последнем, в конкретных исторических условиях средневекового Китая или, к примеру, Византии, возникали благоприятные условия для роста могущества евнухов). Но подобное противопоставление могло носить лишь очень ограниченный характер, поскольку политический вес аристократии в минском Китае (за исключением ближайших родственников императора) обычно был незначительным.

Около 60 лет разделяют Хэ Дина и Ли Фана, годы службы которого пришлись на периоды Лун-цин (1567–1573) и Вань-ли (1573–1620). Служебное положение Ли Фана было значительно выше: он занимал в Департаменте дворцовых чиновников пост *тайцзяня*, соответствующий основному четвертому рангу (высший ранг, предусмотренный для должностей, занимаемых придворными евнухами). Ли Фан пользовался доверием императора Му-цзуна, ценившего его способности, и неоднократно подавал доклады, как обличая злоупотребления отдельных лиц, так и выдвигая предложения о сокращении количества сверхштатных должностей, уменьшении нормы дополнительных заготовок провизии и стройматериалов для двора. После вступления на трон малолетнего императора

Шэнь-цзуна его фаворитами стали евнухи Тэн Сян, Мэн Чжун и Чэнь Хун, изыскивавшие различные способы развлечь монарха. Однажды они построили Черепашью гору из фонарей и вовлекли императора в пирушку, продолжавшуюся всю ночь (вероятно, это событие имело место под Новый год, поскольку Черепашья гора – конструкция из фонарей, воспроизводящая очертания морского животного, – являлась одним из атрибутов новогодних торжеств. – К. П.). Ли Фан выступил с горячим увещанием против подобного времяпрепровождения государя, чем вызвал недовольство мальчика-императора. Пользуясь случаем, Тэн Сян с товарищами оклеветали Ли Фана, и тот вынужден был оставить должность. Затем Ли Фана наказали батогами и заключили в тюрьму Ведомства наказаний в ожидании разбирательства. На запрос сановников относительно вины император ответил: «[Ли] Фан служил Нам без [должной] почтительности, следует заточить его» (Мин ши 1958: 31477/3285). После заключения Ли Фана императорские фавориты, по свидетельству «Мин ши», совсем распустились, описание их бесчинств занимает большую часть дальнейшего текста биографии. А Ли Фан провел в тюрьме почти полтора года, после чего был сослан в солдаты в Южную столицу (Там же).

Жизнеописание Чэнь Цзюя (1539–1608), вероятно, самая яркая биография «хорошего» евнуха в «Мин ши» (Там же: 31484/3292–31485/3293). Если крушение Ли Фана пришлось на самое начало годов Вань-ли, то пик карьеры Чэня датируется приблизительно серединой этого периода. Чэнь Цзюй, отличавшийся справедливостью и мягкостью, служил в ключевом ведомстве дворцовой администрации – Департаменте церемониала, занимая важную должность *бинби тайцзянь*, а с 26-го года Вань-ли (1598 г.) возглавил *Дунчан* (тайную полицию). Его служба на этих ответственных постах значительно осложнялась тем, что это было время борьбы за назначение наследника престола. Драгоценная супруга Чжэн, пользовавшаяся особой любовью императора, замышляла поставить наследником своего сына в обход старшего императорского сына, рожденного одной из дворцовых служанок. Император, кажется, был склонен поддержать устремления своей фаворитки. Но у старшего сына тоже были влиятельные сторонники среди сановников и придворных. Подобная обстановка, конечно, благоприятствовала интригам и борьбе партий при дворе. Первым поручением Чэнь Цзюя, упомянутым в «Мин ши», был поиск книг для императора. Среди книг, которые Чэнь Цзюй поднес монарху, оказалось сочинение крупного чиновника Люй Куня (1536–1618) «Гуйфан тушо» («Иллюстрированное повествование о правилах домашнего пове-

дения») – своеобразное наставление для женщин. Император подарил эту книгу драгоценной супруге Чжэн, которая снабдила наставление собственным предисловием, и в таком виде сочинение было отпечатано с досок. В это же время появилось написанное неизвестным лицом послесловие к книге, в котором утверждалось, что драгоценная супруга планирует добиться для своего сына титула наследника, для чего вступила в сговор с Люй Кунем и другими лицами. По прошествии трех лет наследником все-таки был провозглашен старший сын, но, как показывает дальнейшее изложение, успокоения при дворе не наступило. В конце 31-го года Вань-ли (1603) во дворце и у ворот усадеб некоторых сановников был найден памфлет, неизвестный автор которого утверждал, что драгоценная супруга планирует переменить наследника престола и с этой целью вовлекла в заговор ряд придворных. Чэнь Цзюй представил экземпляр этого подметного письма императору, который страшно разгневался и приказал Чэню и руководству Цзинь-вэй непременно найти автора. Было задержано большое число подозреваемых, дело грозило перерасти в масштабный процесс. В этих условиях, насколько можно судить по тексту «Мин ши», Чэнь Цзюй не столько проявил себя гениальным детективом в духе судьи Ди из рассказов ван Гулика, сколько сумел уклониться от кипящих вокруг интриг, грозящих превратить расследование в повод для сведения личных счетов. Вскоре был схвачен столичный житель Цзяо Шэнгуан, который шантажировал богатого купца, сочинив от его имени стихи, в которых, в частности, упоминалась драгоценная супруга Чжэн. Хотя от Цзяо даже под пытками не удалось добиться признания в составлении памфлета, на основании косвенных улик его авторство представлялось вероятным. Чэнь Цзюй не был уверен в виновности Цзяо, но считал, что тот все равно уже заслужил казнь. В то же время, учитывая гнев императора, затягивание розыска обернулось бы вовлечением множества заведомо невиновных лиц. Цзяо был признан виновным и казнен, а остальные подозреваемые отпущены.

С 33-го года Вань-ли (1605) Чэнь Цзюй заведовал Департаментом церемониала (наивысший пост, возможный для придворного евнуха) и по-прежнему возглавлял *Дунчан*, пытаясь в критических ситуациях смягчить участь тех, на кого пал императорский гнев. На другой год Чэнь получил указ провести инспекцию тюрем, в результате было освобождено большое число узников. Через год Чэнь Цзюй скончался. Император посвятил ему кумирню и удостоил имени «Чистый и преданный».

В резюме биографии еще раз подчеркиваются достижения Чэнь Цзюя: «...злоупотребляющих властью стало мало, дошло до того, что тюрьма *Дунчана* заросла травой... императорский двор и страна [находились] во взаимном согласии» (Мин ши 1958: 31484/3292–31485/3293). И тем не менее завершается данный текст пассажем, начисто перечеркивающим эту идиллию: евнухи, которых командировали производить закупки для двора, бесчинствовали при попустительстве императора, из-за чего «сердца народа негодовали, [это] вскоре привело к войнам и смутам» (Там же: 31485/3293).

За биографией Чэнь Цзюя следует жизнеописание Ван Аня (?–1621), что оправдано и хронологией, и логикой повествования. Взлет карьеры Ван Аня начинается, когда по рекомендации Чэнь Цзюя его назначают товарищем по учебе старшего императорского сына. В атмосфере интриг, связанных с борьбой за титул наследника, Ван Ань успешно защищает своего августейшего «однокашника» от происков драгоценной супруги Чжэн. Когда его подопечный вступает на трон как император Гуан-цзун, то назначает Ван Аня на высокий пост *бинби* Департамента церемониала и прислушивается к его советам, направленным на оздоровление политической обстановки. Ван Ань пользуется уважением высших сановников. После безвременной кончины Гуан-цзуна его любимая супруга по фамилии Ли из корыстных побуждений взяла его малолетнего наследника под свою опеку. Именно Ван Ань играет ключевую роль в нейтрализации ее интриг, возведении наследника на трон и устранении Ли с политической сцены. Соответственно, новый император Си-цзун испытывает к Ван Аню благодарность и доверие. Но тут вдруг выясняется неспособность Ван Аня разбираться в людях, которая вкупе со слабым здоровьем, не позволявшим регулярно являться к императору, оказывается для него фатальной. Сначала Ван Ань верит бесконечным похвалам своего подчиненного Вэй Чао, которые тот расточает в адрес друга – евнуха Вэй Чжунсяня, недавно поступившего на дворцовую службу. Ван выказывает расположение Вэй Чжунсяню на ранней стадии его карьеры. Потом два Вэя вызывают гнев Ван Аня, соперничая за благосклонность императорской кормилицы, урожденной Кэ. Это приводит к изгнанию Вэй Чао, а Вэй Чжунсянь и урожденная Кэ «питают злобу» к Ван Аню, вероятно, осознав исходящую от него опасность. Когда император предлагает Ван Аню возглавить Департамент церемониала, тот отказывается. Урожденная Кэ убеждает императора принять прошение Ван Аня об отставке, а еще колеблющегося Вэй Чжунсяня провоцирует на решительные действия, припугнув печальным примером императорской супруги Ли. В результате кле-

ветнических обвинений Ван Ань отправляется в ссылку и погибает от рук евнуха Лю Чао – ставленника Вэй Чжунсяня и урожденной Кэ. Но даже после смерти Ван Аня Вэй Чжунсян использует его имя в политической борьбе. Лишь после вступления на трон последнего минского императора Сы-цзуна (сместившего Вэй Чжунсяня) с Ван Аня посмертно снимают несправедливые обвинения, в его честь воздвигают кумирню и жалуют посмертное имя «Блестательный и преданный» (Мин ши 1958: 31485/3293).

Безупречным подданным, безусловно, проявил себя Ван Чэньэнь (?–1644), дослужившийся до поста *бинби-тайцзяня* (четвертый основной ранг) в Департаменте церемониала. В роковые дни, когда к Пекину подошла армия повстанцев под водительством Ли Цзычэна, император Сы-цзун возложил на Ван Чэньэня командование столичным гарнизоном. Ван, используя артиллерию, сорвал попытку повстанцев подкопать городскую стену. Когда город все же пал, Ван остался рядом с императором и покончил с собой сразу после самоубийства государя. За свою преданность Ван Чэньэнь удостоился посмертных почестей и со стороны наследников минской династии, обосновавшихся в Нанкине, и со стороны новой, маньчжурской по происхождению, династии, воцарившейся в Пекине после отступления повстанцев (Там же: 3143/3301).

Логическим продолжением рассказа о Ван Чэньэне служит биография Фан Чжэнхуа, который погиб от рук повстанцев, защищая по приказу императора Сы-цзуна какой-то город в столичной области. В последних строках биографии Фан Чжэнхуа перечислены имена еще четырех придворных евнухов, отдавших жизнь за династию (Гао Шимин, Ли Фэн, Чжу Сяньчжан и Чжан Гоюань – все они занимали довольно высокие посты в придворной иерархии). После переноса столицы в Нанкин наследники минской династии основали Кумирню почитания преданных слуг и принесли жертвы в честь названных лиц (причем главное место среди них было отведено Ван Чэньэню). Но, может быть, из желания снизить патетику финала, авторы завершают биографию Фан Чжэнхуа (и, соответственно, весь раздел «Биографии придворных евнухов») курьезным эпизодом: в число преданных слуг, удостоенных почитания южноминским двором, почему-то оказался включен также глава *Дунчана* Ван Чжисинь, добровольно капитулировавший перед повстанцами, но позже замученный ими из-за своего огромного богатства (Там же: 31493/3301). Можно усмотреть в таком финале стремление авторов завершить повествование негативным примером поведения высокопоставленного евнуха и подвергнуть скрытой критике южноминский двор за неспособность давать верные

оценки событиям. Критика не совсем справедливая, поскольку сами авторы «Мин ши» признают (в биографии Гао Цицзяня), что трудно разобраться в деталях некоторых событий, сопровождавших взятие Пекина повстанцами (Мин ши 1958: 31493/3301).

Ознакомившись с жизнеописаниями нескольких евнухов, перейдем к общим выводам. Разумеется, авторы «Мин ши» не ставили себе цель изложить биографии *всех* придворных евнухов эпохи Мин. Это было бы технически невозможно, как невозможно было представить, например, биографии *всех* министров (тем более *всех* чиновников), служивших династии на протяжении почти трех столетий ее правления. В этом отношении составители любой династийной истории неизбежно прибегали к определенному «масштабированию» изображения, и в масштабе один к одному – точное соответствие числа персоналий в истории и на страницах исторического сочинения – обычно могли быть представлены лишь монархи (впрочем, и тут необходимы некоторые оговорки). Следовательно, речь изначально шла лишь об *избранных* биографиях придворных евнухов. При этом включены в соответствующую главу оказались жизнеописания не только злодеев и негодяев, но также преданных государю и стране подданных, честно исполнявших свой долг и жертвующих жизнью во имя высоких принципов.

Подобный стремящийся к известной «объективности» подход был взят на вооружение еще отцом китайской историографии Сыма Цянем (Крюков 1972: 61–63) и затем стал обычным для династийных историй, хотя можно задаться вопросом, не превратился ли он впоследствии лишь в формализованный историографический прием. Этот подход, присущий традиционной китайской историографии, анализирует Б. Г. Доронин, особенно подробно – на примере описания крестьянских восстаний в династийных историях (Доронин 2002: 184–187). Трудно представить, чтобы потенциальный читатель «Мин ши» с легкостью поверил, что все евнухи при императорском дворе были исключительно злокозненны, и при этом на протяжении без малого 300 лет никто не заметил аномальности подобного положения. Авторы «Мин ши» рисуют более сложную и потому более убедительную картину, соответствующую предложенной концепции. Составителями «Биографий придворных евнухов» был задействован, по-видимому, довольно широкий арсенал приемов, призванных закрепить в сознании читателя картину, соответствующую сформулированной ими общей концепции. Часть этих приемов была проанализирована в отечественной исследовательской литературе (Там же: 187–195, 209–224).

Негативная оценка роли, сыгранной придворными евнухами в судьбе династии Мин, предельно четко сформулирована в предисловии к собранию их биографий (Мин ши 1958: 31462/3270). В самом же тексте биографий эта оценка «растворена», то проступая в форме скрытых намеков, то кристаллизуясь со всей безапелляционностью. Биографии откровенно одиозных личностей, конечно, давали наибольший простор для порицания, но и в биографиях «хороших» евнухов тот же подход, похоже, присутствует в более мягкой форме. По ходу повествования привлекаются факты злоупотреблений если не самих героев, то их противников. Лаконичность биографий положительных личностей, упоминание об их конфликтах с окружением, а порой и их трагический финал, вероятно, призваны внедрить в сознание читателя представление об исключительности, нетипичности и обреченности подобных героев в придворном мире.

Как мы помним, в биографии преданного и прямого Хэ Дина упомянуты добросовестные и законопослушные евнухи-военачальники Дэн Юань, Май Сю, Цзянь Чжун и Лю Цин и образцовый советник Сяо Цзин. Однако далее сказано, что императорского доверия добились лишь Ли Гуан и Цзян Цун, которые в конечном счете оказались этого доверия недостойны, что оставляет общее негативное впечатление. В биографии принципиального Ли Фана более трети общего объема текста посвящено перечислению злоупотреблений, творимых тремя императорскими фаворитами – евнухами Тэн Сяном, Мэн Чуном и Чэнь Хуном, что, вкуче с печальной судьбой главного героя повествования, пострадавшего из-за интриг этих временщиков, вновь порождает мрачную картину. Показательно также, что доклады, которые подают преданные трону и интересам страны Хэ Дин и Ли Фан, вызывают неприязнь их коллег, и из дальнейшего повествования становится понятным, почему: предложение Хэ Дина противоречило интересам Ли Гуана, инициативы Ли Фана, по-видимому, грозили положить конец злоупотреблениям Тэн Сяна. Робким проблеском надежды в этом мраке мелькает биография Чэнь Цзюя, твердо сторонящегося интриг и пользующегося уважением императора Шэнь-цзуна. Но впечатляющий перечень достижений Чэня завершается пессимистическим пассажем о евнухах-закупщиках, терроризирующих население при попустительстве императора. И сумеречная атмосфера снова сгущается, подготавливая закономерное появление на сцене Вэй Чжунсяня.

Нельзя не отметить также тот едва ли случайный факт, что обладателями наиболее пространственных жизнеописаний оказались Лю Цзинь и Вэй Чжунсянь – наиболее одиозные временщики эпохи

Мин. В определенной степени это способствовало тому, чтобы из всех героев раздела именно эти персоналии лучше всего запомнились читателю. Показательно, что авторы современного историко-юмористического комикса «Китайские евнухи» для выпуска, посвященного эпохе Мин, отобрали (из примерно четырех десятков жизнеописаний, представленных в «Мин ши») лишь биографии четырех наиболее злобедных евнухов, включая, разумеется, Лю Цзиня и Вэй Чжунсяня (Wang Yongsheng, Chi Sheng 1994). Данный пример читательского восприятия династийной истории может в определенной степени свидетельствовать об успехе стратегии, избранной авторами «Мин ши», и о достижении ими поставленной цели.

Литература

Воскресенский, Д. Н. 2002. Придворные скопцы в истории и литературе Китая. В: Воскресенский, Д. Н., Усов, В. Н. (сост.), *Книга дворцовых интриг. Евнухи у кормила власти в Китае*. М.: Наталис, с. 13–132.

Доронин, Б. Г. 2002. *Историография императорского Китая XVII – XVIII вв.* СПб.: Филол. факультет СПбГУ.

Дубровская, Д. В. 2022. Naviget, Naes Summa Est, или Последний квест адмирала Чжэн Хэ. *Восточный курьер 2*: 78–98. DOI: 10.18254/S268684310021474-9.

Крюков, М. В. 1972. Сыма Цянь и его «Исторические записки». В: Сыма Цянь, *Исторические записки (Ши цзи)*. Т. I. М.: Наука.

Мартынов, А. С. 1974. Конфуцианство, буддизм и двор в эпоху Мин. В: Васильев, Л. С. (отв. ред.), *История и культура Китая*, с. 307–324. М.: Наука; ГРВЛ.

Мин ши (История [династии] Мин). 1958. Шанхай: Шаньгу иньшугуань (на кит. яз.).

Писцов, К. М. 2020. Место подглавы «Костюм евнухов» в общей концепции «Истории Мин». *Общество и государство в Китае*. Т. L. Ч. 1. М.: ИВ РАН, с. 186–199. DOI: 10.31696/2227-3816-2020-50-1-186-199.

Свет, Я. М. 1955. *По следам путешественников и мореплавателей Востока*. М.: Гос. изд-во географической лит-ры.

Свет, Я. М. 1960. *За кормой сто тысяч ли*. М.: Гос. изд-во географической лит-ры.

Симоновская, Л. В., Лепешинский, К. В. (ред.). 1960. *Хрестоматия по истории Китая в Средние века (XV–XVII вв.)*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Goodrich, L. C., Fang Chaoying (eds.). 1976. *Dictionary of Ming Biography, 1368–1644*. Vol. 1–2. New York: Columbia University Press.

Wang Yongsheng, Chi Sheng (eds.). 1994. *Chinese Eunuchs. Inside Stories of the Chinese Court*. Vol. 3. Singapore: Asiapac.